

Мысль семейная, или Пять пудов любви

Дом семей держится. Семья — любовью: друг к другу, к общим делам, к дому и к друзьям дома. К детям и старикам, и к памяти ушедших также. — Мне скажут: знакомые, вечные истины. Прописные. Пусть так. Но сколько их; вечных истин, ныне разрешенных к употреблению, хранится в некоей заповедной зоне, вдали от практики, от прозы житейской! Отдельно. Истины — сами по себе, и жизнь — тоже. Иначе бы не было того, что было и есть.

На Театральной площади, напротив Малого театра и рядом с Большим, прекрасный старый дом ветшает и разрушается, но, как иные благородные старики, сохраняет свою красоту. В последний день января там скромно отметили юбилей, опоздавший на добрых полгода. Юбилей двойной и даже тройной: 75 лет, как был создан Московский театр для детей, 60 — как он стал называться Центральным детским и переехал в этот дом. Наконец, 175 лет самому дому с его богатой театральной историей. Здесь в свое время работали и Артистический кружок, и Частная опера Зимина, и антреприза Незлобина, и МХАТ 2-й, закрытый в середине 30-х годов принятый тогда варварским способом.

Там с 1936-го живет театр моего детства, отрочества и юности, а затем и всей жизни. Его долго называли Центральным детским (ЦДТ), с начала 90-х он именуется Российским академическим молодежным (РАМТ). Живет с перерывами на военное и послевоенное время, когда театр из Москвы уезжал, и в дом его въезжали другие, но в 47-м году, голодном, холодном, дом все же вернули детям. (Смешная фотография, где я среди других пионеров сижу в партере ЦДТ, датирована точным днем возвращения — 6 декабря 1947 года). В конце этого года можно было бы и еще один юбилей справить — 50-летие возвращения, если... если будет что праздновать. И где.

В театре грустно. Нет денег. Здание разрушается не столько от старости, сколько от напуска расположенной рядом "стройки века". Будущий филиал Большого театра (дай Бог ему быть) уже отнял у соседа малую сцену и награбил его известными следствиями новостроек: трубы лопаются, потолок и фасад осыпаются, и так далее, и тому подобное. (За примерами далеко ходить не надо — до Российской библиотеки и Дома Пашкова рукой подать. Хорошая, престижная компания). Обо всем этом, впрочем, известно — писали в газетах, вещали по радио. А толку что? Как будто всеобщая катастрофа — никто не в силах помочь.

С юбилеем затянули, видимо, надеясь на что-то. И прове-

ли его без рекламы и помпы, для себя и "своих". О неприятностях не трубили — театр этот "качать права" не умеет, что в наши дни — свойство опасное. Так, коснулись "большого вопроса" походя и шутиливо: "Все хорошо, прекрасная маркиза... За исключением пустяка...". Еще раз коснуться в финале; всерьез. А до того — праздник, который решили себе не портить.

Когда приглашали, тушуясь ("Так — что-то будет..."), казалось: будет печальный междусобойчик. По Эфросу, "интеллигентские грустные посиделки". Но получился праздник, и не пир во время чумы, а истинный праздник — добрый, светлый, семейный. Длинный, но с постановочным размахом, вольной стилистикой, с ворожей атмосферы — спектакль. Один из лучших в РАМТ.

На огромной распахнутой сцене сияли люстры, виднелись "ложи", и пышный полукруг балагана, и застывший букет фэйерверка вдали — "театр в театре". Нарядные и взволнованные артисты сидели за столиками с шампанским и цветами — это был их праздник. Они дарили его себе, и друг другу, и тем, кто сидел в партере, соединив сцену и зал в единое пространство любви.

На сцене пели, плясали, разыгрывали пародии — беззлобно, легко, без "яблучки". С присущей случаю иронией вспомнили тени прошлого — в монологе Старого Театрального Кресла, где кто только ни сжибался, начиная с Анны Петровны Керн. Развились и корифеи, и зеленая молодежь, и заважничавшие актеры — студенты РАТИ. Никто не боялся себя показать — худрук вальсировал, дирекция пела романсы, главный художник выдал народный танец с частушками. С восторгом встречали выступления "своих", особенно — выход "веселого звена" бывших травести в пионерских галстучках, с репризами-прибаутками, бессмертной пирамидой и бесстрашным, беззащитным упованием от самого пребывания на сцене.

Юбилей шел в том сочетании праздничной театральности и тонкой, интимной душевности, что, кажется, в природе ЦДТ-РАМТ, и возродилось в эпоху Бородина, и так притягивает к себе тех, кто способен ощутить нежность (забытое, старомодное свойство; даже слово пишу с опаской). Но что же делать — по здесь пропитаны воздух и стены; она лучится с лица худрука, когда он смотрит на малышей, на своих студентов или артистов. Коренные зрители этого театра (а также иные из их родителей и наставников) оказались восприимчивы к нежности, что делает им честь. На них и на-

дежда.

Пространство любви не заполнилось бы одним ее излучением. О любви говорили, безыскусно и прямо, сделав такие объяснения лейттемой вечера. Режиссеры объяснялись актерам, те — режиссерам, все вместе — драматургам, художникам, композиторам, критикам, зрителям и тем деятелям из "властных структур", что небезразличны к театру, и тем, кого здесь называют уважительно и церемонно — "благодарители". Объяснялись актерским семьям, вызывали на сцену детей. Никто не был забыт, от уборщицы и бутафора до "звезд" труппы — всех вспомнили, назвали и наградили. По-грустнев, вспомнили и недавно ушедших, и тех, кто был в театре давно, кто его открывал, строил, создавал его славу.

Волны любви затопляли сцену, переливались в зал и возвращались оттуда. Шел праздник семьи, без которой немалым театр, адресованный юным и с которым иные скорые умы торопятся проститься теперь, считая то и другое (театр для юных и театр-дом) чем-то устаревшим, немодным. Слава Богу, этому все еще сопротивляется упрямый российский менталитет, столько раз проклятый и осмеянный, но во многих случаях — зря. Пусть рядом будет новое и иное, но зачем же с прежним так — скопом — прощаться? Если исчезнут этот старый благословенный дом и этот чудо-театр (вот уж национальное достояние — не по форме, по сути), кому лучше станет? Нынешним детям, и детям их детей, да и всем тем, у кого отнимут островок тепла и искусства в стынущем воздухе конца века?

Вечер закончился в три наката. Сначала выплыла "лодка" с тремя молодцами, загримированными под великое итальянское трио (Паваротти, Доминго, Каррерас), и зал захлебнулась ликующая мелодия. Потом внесли нутку скелетиса, в фантастическом "триллере", сюжете из нового века: в холодном театре без крыши (снег сыплется на головы, на пол!), у буржуйки два последних фанатика, нынешние худрук и директор, что-то для кого-то творят. И наконец, финал вне игры — тихий, хмурый, серьезный. В тревожном рассеянном свете вся труппа с детьми собьется тесно у рампы, и худрук кратко и строго скажет о том, чем все может кончиться: театр практически не финансируется, разрушается, может погибнуть.

И занавес закрылся. Вот такой юбилей.

Татьяна ШАХ-АЗИЗОВА.

● Танюша ШАХ-АЗИЗОВА, 1947 год